

Вкус Средиземноморья и других *Kinnies**

Д-р Адриан Грима
Лектор, Мальтийская литература
Университет Мальты
Мсида, Мальта
adrian.grima@um.edu.mt

В некотором смысле Средиземноморье является жертвой своего собственного успеха. Как лидирующий в мире регион в области туризма, он ограничил себя тем, что означает привлечение посторонних, но неизбежно отвлекает своих: продажей своего стереотипного образа для всех (в том числе и для себя), что не позволяет этому региону взглянуть на себя со стороны и выйти за рамки подробных описаний страстей, курортного климата, солнечно-морского ландшафта и необычной культуры, которые он продает.

Назад к Средиземноморью

Продажа Средиземноморья - это большой бизнес. В первом докладе *First Medlink Report* (2006) говорится об этом бассейне как о "главной туристической достопримечательности на планете", которую посетило примерно 132 млн. туристов в 1990 году и, возможно, эта цифра стремительно вырастет - до 312 млн. в 2025 году. Внутренний туризм, включенный в эти цифры, значительно возрос, сначала в северной части, а теперь также и в странах Юга и Востока бассейна. Люди склонны приезжать на побережье: 96 млн. человек (51 млн. иностранцев, 35 миллионов национальных туристов) в 1984 году, 132 млн. в 1990 году, 176 млн. в 2000 году. В 2002 году это "истинное вторжение" одних только иностранных туристов принесло доход в 134 млрд. долларов.

По «локусу преимуществ», как бы это определили ученые мужи, политических, культурных и религиозных конфликтов разговор о Средиземноморье страдает от клише и пустых слов о наведении мостов и объединений людей, о партнерских отношениях и союзах, о "свободных" торговых областях и сотрудничестве в различных областях. В последние годы Средиземноморье стало фокусом интенсивной политической и дипломатической деятельности, и тысячи людей мигрируют через его воды ежегодно, чтобы бежать от преследований и добиваться лучшего будущего. Кроме того, это море является одним из наиболее важных маршрутов для транспортировки энергии. Но Средиземноморье также имеет большое символическое значение, как место для роста и распространения великих цивилизаций, в том числе трех мировых религий. Международные ведущие СМИ редко признают комплексность Средиземноморья, и они часто преподносят либо открытку, экзотический имидж региона, либо сырую негативную документацию его многочисленных недугов.

Когда Николя Саркози впервые упомянул свое предложение о Союзе для Средиземноморья во время своей президентской кампании в своей речи в

Тулоне 7 февраля 2007г., Фабр признал, что Саркози сумел привлечь внимание основных политических и международных средств массовой информации на важность региона для Европы и для всего мира, а также на потенциально конструктивную роль в регионе, которую он может играть. Но когда дело дошло до идеологии, обосновывающей содержание, Фабр был далек от восторга. Он утверждал, что инициатива президента является фундаментально некорректной, поскольку предлагается делать неправильные вещи неправильными путями. В статье, опубликованной в *La pensée de midi*, Фабр подверг критике инициативу Союза Средиземноморья, как чрезвычайно неперспективную, возможно, как Барселонский процесс, "псевдо-диалог культур". Он выразил опасение, что идея Союза Средиземноморья не была мотивирована искренним стремлением к совместной работе для обеспечения устойчивого, более справедливого, более мирного Средиземноморья. Михаил Герцфельд (Michael Herzfeld) в материале "*Practical Mediterraneanism: Excuses for Everything, from Epistemology to Eating*" ("Практический Медитерранианизм: оправдать все, начиная от эпистемологии до питания") уже определил требования к Средиземноморскому единству, среди которых "политические шаги, направленные на объединение более слабых стран за сильным региональным лидером, таким как Франция". И несмотря на романтическое окружение "средиземноморской культуры," эта конструкция была использована французскими и итальянскими колонизаторами 19-го века для оправдания насильственной оккупации в Ливии и Алжире.

Хотя предложение Саркози с тех пор превратилось в Союз для Средиземноморья, который связывает всех средиземноморских партнеров и членов ЕС и выглядит все больше как реанимация несостоявшегося Барселонского процесса, первоначальные опасения Фабра все еще сохраняются. Например, Саркози продолжает поддерживать администрацию Буша США и его политику, несмотря на тот факт, что для американцев Средиземноморье не существует и не должно существовать.

Более того, некоторые комментаторы интерпретируют инициативу Президента Франции как свидетельство стремления его страны (пере-) утвердиться в качестве лидера в регионе и навязать свою повестку. Некоторые утверждают, что помимо сохранения Турции вне ЕС, игнорирования десятилетия незаконной оккупации палестинских земель Израилем и связанной с этим иммиграцией, эта повестка включает в себя, возможно, косвенным образом, попытки Франции восстановить свое колониальное прошлое. По словам Саркози, колонизация была о цивилизации, а не о завоевании. В весьма критическом выступлении в университете Шейха Анта Диопа (*Cheikh Anta Diop*) в Дакаре, Сенегал, 26 июля 2007 года Саркози защитил прошлую роль Франции в Африке, заявив, что, хотя возможно, ее заставили сделать "ошибки", она "не эксплуатировала никого". Комментаторы, такие как Мишель Агьер (*Michel Agier*) увидели в этой речи высокомерие и глубокое незнание истории Африки.

Проект Саркози был тепло принят на Мальте. Некоторые обозреватели приветствовали проект в качестве позитивной инициативы, а в сентябре 2008 года в материале под названием "*As the Mediterranean settles...*" ("Поскольку Средиземноморье устанавливается ...") редактор влиятельной ежедневной *The Times* приветствовал "укрепление диалога между странами, работающими над

ЕС - Средиземноморским союзом" - как лучом, который "сверкает над Средиземноморьем".

Но многие не столь в этом уверены. Когда Дороти Шмид (Dorothee Schmid) представила свой доклад на тему "Союз для Средиземноморья: французский трек или новая европейская политика?" на Мальте в апреле 2008 года, празднуя конструктивистскую концепцию Средиземноморья, которая началась с колонизации, но была "трансформирована сегодня в мечту тихого сосуществования, которая живо описана президентом Саркози во время речей в 2007 и 2008 годах", многие из мальтийцев в аудитории, которые публично отреагировали на ее выступление, отметили тот факт, что проект Союза Средиземноморья (как заявлял Фабра) не решает существующих проблем, что делает диалог и сотрудничество в Средиземноморье практически невозможным.

Эти проблемы включают миграционные потоки, заявку Турции на вступление в ЕС, внутренний спор ЕС, открытые раны от колониального прошлого, неудачи Барселонского процесса и большой произвол ЕС *vis-à-vis* по отношению к так называемым "средиземноморским партнерам", израильская оккупация Палестины и стены, воздвигнутые в ЕС для средиземноморских арабов, пытавшихся посетить страны ЕС. Критики включали Гвидо де Марко (Guido de Marco), бывшего Президента Республики, ведущего дипломата и поборника диалога в Средиземноморье.

Это не означает, что наш политический и культурный дискурс о Средиземноморье не изобилует благими намерениями банальностей и клише. В убедительном материале по случаю независимости Мальты, достигнутой в 1964 году, Марио де Марко (Mario de Marco), высокопоставленный государственный деятель и сын бывшего президента, написал о нынешнем поколении мальтийцев как "живущих реальностью Мальты, становящейся членом Европейского Союза без какой-либо потери из виду нашей Средиземноморской идентичности". Это рефрен, который мы уже слышали неоднократно.

Продажа Средиземноморья

На Мальте Средиземноморье становится частью разговора, когда возникает возможность продавать. Большое описание Средиземноморья неизбежно связано с туризмом, как правило, массовым туризмом, а также клише о наведении мостов между народами. Имеется некоторый общественный интерес (вне научной сферы и ниши культурных инициатив) поверхностно пройтись по этим клише, изучить вековые старые связи для лечения культурных, политических и экологических вопросов на региональном уровне. Мальта приняла на протяжении многих лет ряд очень важных инициатив, особенно в области брокерского мира и морского права. Но большинству мальтийцев будет трудно назвать даже несколько крупных политических и культурных деятелей, живущих в этом регионе сегодня. Большинство мальтийцев почти ничего не знает, например, о литературе подавляющего большинства стран Средиземноморья. Социальные и культурные устремления Мальтийцев лежат дальше на север.

Тем не менее, когда речь идет о продвижении того, что можно назвать "современным традиционным" фестивалем вина в одном из крупнейших городов Мальты, Орми (Hal Qormi), средиземноморские черты занимают видное место на афишах. Потому что это образ самих себя, как хотят мальтийцы и, возможно, чувствуют себя обязанными изображать. Используемые шрифты свидетельствуют: название города происходит от твердого и смелого, в то время как более "поэтические" заявления о средиземноморском характере событий показывает непринужденные буквы ниже, связанные с традиционной культурой вина и современными событиями празднования. Неизбежно приходят на ум слова Herzfeld о "стратегии самостереотипов" и "фольклоризма" и замечания Glissant о сознательной, преднамеренной фольклоризации на периферии (читай, в данном случае, Средиземноморья как периферии Европы), так как Средиземноморье здесь изображает себя таким образом, как изображали его северные европейцы.

Местное население способствует идее совместной средиземноморской идентичности по различным причинам. Одной из таких причин может быть просто желание представлять себя в качестве осуществляющих культурный выбор, как и другие соседние народы. Вторая причина может быть действительно в более широком доступе к ресурсам информации о местной и региональной культуре, которые были просто недоступны под более репрессивными режимами в прошлом. Herzfeld утверждает, что идея Средиземноморской идентичности может быть во многом "ловушкой", как и ее предшественники, *nativist demoticism* и неоклассической фольклоризм. "Ибо, подтверждая модель средиземноморских народов как "ненадежную, неточную и спонтанную", они также "предоставляют одновременно самооправдание собственных неудач в крупных сферах конкуренции и оправдание для других, которые их презирают".

Мы можем видеть требования Средиземноморского единства в качестве "оправдания выразительной и вовлеченной в глобальную иерархию ценности, по которой "Средиземноморье" приходит где-то между "современным" и "примитивным". Эта смесь выпукло изображена на плакате Винного фестиваля Орми, при выборе как шрифтов, так и изображений. И даже синий цвет, который используется на плакате, чтобы пробудить чувства о регионе, имеет более современный оттенок по сравнению с тем, что вы ожидаете от синего Средиземноморья. Эта глобальная иерархия ценности определяется так называемым Западом, который, несмотря на окончание несколько десятилетий тому назад колониального стиля 19-го века, по-прежнему обладает большой властью над нашим воображением, стремясь через все более глобализованные и централизованные мировые средства массовой информации, опираясь на экономическую и военную мощь, определять форму наших мыслей и представлений.

Но претензии средиземноморского единства являются также результатом "риторического хода рекламных кампаний, направленных на эксплуатацию затянувшейся экзотики среди потребителей или пробуждение их мистических склонностей к новым причудам диет". Мальтийские газеты и журналы регулярно публикуют статьи и объявления о средиземноморской кухне и диете. Винная фестивальная афиша с ее чувственным пробуждением "вкуса

Средиземноморья" эксплуатирует сохраняющуюся экзотику про регион и имеет целью привлечь внимание как иностранцев, так и местных жителей.

Та же фраза используется для продвижения кинни (*Kinnie*), знаменитого мальтийского "горько-сладкого" безалкогольного напитка и предмета коллективной гордости Мальтийцев. Эта реклама появляется на рекламных щитах и в местных газетах и журналах наподобие *Skylife*, журнала для пассажиров Мальтийской национальной авиакомпании *Airmalta*. Она изображает Средиземноморскую Мальту, которую можно найти в туристических брошюрах, но и в местных материалах, в том числе литературе, предназначенных для местного потребления: безоблачное синее небо, кристально чистое синее море, сияние солнечных лучей на песчаном летнем пляже, климат для отдыха, миролюбие, освежающий вкус каникул, свежий средиземноморский апельсин, чувственно сохраняющийся на краях стакана, мужская смелость бутылки *Kinnie* ...

Согласно данным официального сайта, напиток *Kinnie* был первоначально разработан компанией *Simonds Farsons Cisk* на Мальте в 1952 году "в качестве альтернативы бесчисленным колам", которые распространились в Европе после второй мировой войны. Это заявление сразу же отличает мальтийский напиток от созвездия его северных коллег. Чувственный, экзотический и, следовательно, средиземноморский характер напитка проходит безошибочно: "*Kinnie* является безалкогольным природным освежающим напитком уникального вкуса. Его золотой цвет янтаря, а также тот факт, что он изготовлен из горького апельсина и различных ароматических трав, придает этому напитку горький вкус, который является прекрасным утолителем жажды". Как экзотический средиземноморский остров Мальта, этот напиток является идеальным сам по себе, особенно с ломтиком апельсина. Но местные жители также хорошо смешиваются с посещающими иностранцами: "Кроме того, это также сочетает великолепие с рядом алкогольных напитков и коктейлей". Нам сказали, что "практически в одночасье эти отличительные характеристики, сделанные с любимым безалкогольным напитком мальтийцев, полюбили с тех пор одинаково местное население и туристы". История *Kinnie* пронизана великолепным описанием экзотического Средиземноморья, с его духом, обаянием, страстью, *joie de vivre*, чувственностью.

В романе мальтийско-австралийской писательницы Лу Дрофеник (*Lou Drogenik*), например, отмечается "средиземноморский шарм", который один из мальтийских мужских персонажей "знал, как включить, когда он находился в компании женщин". В ее первом романе она пишет о "нежных бризах Средиземноморья" и "Средиземноморье раскинулось перед ними во всей его славе". Как и у других Мальтийских писателей, в изображении Дрофеник Средиземного моря есть сильный элемент романтизма.

Идея Средиземноморья как региона вокруг средиземноморских земель в качестве отличительной общности, пишет *Peregrine Norden*, является "творением географов девятнадцатого века, которые представляют собой, будь то прямо или косвенно, амбиции Средиземноморья и конструкции северных европейских держав ". Это отчасти объясняет скептицизм, с которым некоторые социальные и культурные деятели из бывших колониальных народов в

Северной Африке и на Ближнем Востоке рассматривают как институциональное, так и гражданское общество, проекты по строительству единого, более политически, социально и культурно активного Средиземноморского региона.

Но существует также значительный скептицизм среди ученых, к которым относится Michael Herzfeld, придумавший термин "Mediterraneanism" в качестве различных видов "оправдания" - политических, культурных, даже в научном смысле эвристических. Это означало отстаивать "простое недифференцированное единство, отсталость, экологическое истощение, независимость от обстоятельств около-средиземноморских обществ в качестве оправдания политического, экономического или культурного превосходства и господства" северян. Herzfeld утверждает, что "идея огромной средиземноморской культуры часто служила интересам пренебрежительного культурного империализма". Он отмечает, что в эпоху, в которой почти каждая другая категории была "деконструирована или реконструирована, или, по крайней мере, самостоятельно разрушилась, Средиземноморье показало замечательное упорство перед шквалом критики". Кажется, со временем это препятствие фактически подтвердило свое общее значение. И то, что само по себе формирует концепцию Средиземноморья, стоит воспринимать всерьез. Такие "культурно-районные категории существует в силу того, что они сформулированы".

Как только мы признаем, что Средиземноморье является культурной конструкцией и то, что физическое Средиземноморье, как отметил бы Matvejević, неотделимо от разговора о нем, мы "уйдем от утомительных онтологических дискуссий" о регионе и его единстве и позволим себе "сфокусироваться вместо этого на вопросах власти и иерархии", о том, кто, как и почему контролирует или пытается контролировать мнимое Средиземноморье.

Истинные пионеры

Инициатива Саркози сосредоточила внимание некоторых основных политических и медиа кругов и им подобных на потенциале региональных политических действий в Средиземном море, но Фабр считает, что именно общие ценности могут действительно привести народы региона к совместной работе над общим проектом, а не амбиции одного лидера или нации. Он пишет о растущем числе людей в области культуры, о гражданском обществе и низовых организациях, которые действуют на местах "*pour un rapprochement et une convergence transméditerranéenne*" ("для сближения и транссредиземноморской конвергенции"). Это операторы и активисты, многие из которых, хотелось бы добавить, - молодые люди, которые создали свой собственный веб-союз на большей части территории региона и нуждаются в поддержке и поощрении политики; Фабр предупреждает, что они не должны использоваться в качестве пешек политиков, как это часто бывает сегодня. Он называет их "*les véritables pionniers*" - «истинными пионерами» Средиземноморского ансамбля - приемлемого и устойчивого в таких жизненно важных областях, как водные ресурсы, загрязнение окружающей среды, транспорт, миграция, здравоохранение и культура.

Численность населения на южном побережье Средиземноморья стремительно растет. В настоящее время 80 миллионов человек живут в Египте - это самое большое по численности населения в арабском мире и второе в Африке. В период между 1975 и 2003 годами египетские населения почти удвоилось: с 39,3 до 71,3 млн. человек. То же самое произошло и в Израиле, Алжире и Мавритании, в то время как в Ливии, Сирии и Палестине населения более чем удвоилось, а в Иордании оно выросло в три раза. Самые крупные группы населения в Средиземноморье после Египта - это Турция, Французская метрополия, Италия, Испания, Марокко и Алжир. В ближайшие двадцать лет усилятся различия населения между развитым Севером и странами на юге и востоке; в докладе Medlink предполагается, что "Средиземноморье будет более арабским, турецким и магрибским." Оно будет, кроме того, более урбанизированное и прибрежное.

Имеется большой процент молодых людей, чрезвычайное количество энергии в сегодняшнем Средиземноморье. В 2003 году в странах Магриба и Машрека молодежь (27,5% - 46%) значительно превышала число пожилых людей (2,3% - 8,7%), в то время как в Западной Европе было столько же людей старше 65, равно и тех, кому меньше 15 лет, а в некоторых случаях пожилых людей на самом деле даже больше, чем молодежи. В Алжире, напротив, 48% населения в 2003 году составляло менее 19 лет; в Египте 42% были в возрасте до 18 лет, а в Тунисе 30% были в возрасте до 14 лет, две трети марокканцев были моложе 30 лет.

Однако значительный рост численности населения в странах Магриба и Машрека также означает, что более 25% молодежи не имеют работы. В Алжире уровень безработицы среди экономически активного населения составляет 30%, а среди молодежи он достигает 60%. В Марокко уровень безработицы является значительным, особенно среди молодых выпускников. В докладе *Medlink* делается вывод, что основными проблемами, с которыми сталкивается марокканское руководство, являются улучшение образования, борьба с нищетой и привлечение иностранных инвестиций в целях улучшения перспектив работы и жизненных условий для молодежи. То же самое можно сказать и о многих других странах южного и восточного побережий.

Эти цифры свидетельствуют о том, что средиземноморские страны, как индивидуально, так и в партнерстве друг с другом, должны предоставить полномочия своим огромным человеческим ресурсам – молодым людям - найти долгосрочные устойчивые решения экономических, экологических, политических и социальных проблем, с которыми они сталкиваются. Если они могут действовать сообща, а не по отдельности, они имеют гораздо больше шансов на успех. Сложные проблемы, с которыми сталкивается сегодня Средиземноморье, как и остальная часть мира, требуют согласованных и устойчивых решений. Именно для всего этого должен существовать Средиземноморский проект. Бесплезно играть с вековыми банальностями и стереотипами.

Для того, чтобы стать значимым коллективным проектом, захватить воображение и энергию сегодняшней и завтрашней молодежи, как в

Средиземноморье, так и за его пределами, крайне важно, чтобы культурные конструкции о регионе видели такими, какие они есть: как результаты особенных моментов в истории, служащие интересам конкретных групп и культур. Непозволительно дезориентировать или ослабить дух тех, кто привержен созданию сетей творческой солидарности в регионе, которые в состоянии реагировать на насущные потребности, извлекая множество доступных ресурсов. Новый Средиземноморский проект должен включать создание, а также поддержку, в основном со стороны коренного населения, а не империалистическими соседями. Этот проект требует синтеза материального и ментального, дискурсивного и находящегося ближе к земле.

Истинными пионерами Средиземноморья являются те, чье видение и обязательства свободны от самостоятельных стереотипов, которые стоят на пути значимого культурного обмена и проведения совместных действий в интересах устойчивого будущего. Они являются теми, которые готовы работать вместе, чтобы решить те же экономические, экологические, социальные, культурные и политические проблемы, с которыми сталкиваются люди в разных частях региона и за его пределами. Истинными пионерами являются те, кто отказывается греться под солнцем неокOLONIALИЗМА и его икон и взяли на себя ответственность за более свободное, более справедливое, безопасное Средиземноморье.

* Данная статья представляет собой краткое изложение документа, озаглавленного “Вкус Средиземноморья и других *Kinnies*”, представленного на 3-й конференции Общества сравнительного образования стран Средиземноморья “Межкультурный диалог через образование”, состоявшейся 11-13 мая 2008 года на Мальте. Полный текст исследования можно запросить у автора: adrian.grima@um.edu.mt